

Татьяна Алексеевна ДьяковаЛуганская государственная академия культуры и искусств им. Михаила Матусовского, доктор филологических наук,
доцент, профессор кафедры теории и истории искусств, Луганск, Россия
e-mail: diako122@rambler.ru**Индивидуально-авторские преобразования фразеологических единиц
в творчестве Владислава Титова**

Аннотация. В статье проведен анализ индивидуально-авторских преобразований узуальных фразеологических единиц в произведениях русского советского писателя Владислава Титова. Рассмотрены современные общие исследования, посвященные изучению способов индивидуально-авторского использования языковых фразеологических сочетаний. Проанализированы способы структурной трансформации фразеологизмов в художественных текстах писателя. Такими являются: замена компонента, расширение компонентного состава, замена одного из компонентов и расширение состава выражения, контаминация. Для изучения фразеологизмов привлечены фразеографические, культурологические, этимологические источники. Рассмотрены стилистические функции преобразованных фразеологических единиц в художественных произведениях. Материалом исследования послужили произведения разных лет: роман «Проходчики», повести «В родной земле корням теплее», «Все м смертям назло» и незаконченная повесть «Рожь».

Ключевые слова: фразеологическая единица, индивидуально-авторское преобразование, узуальное употребление, структурная трансформация, компонент, экспрессивность, художественная выразительность.

Tatiana A. DiakovaLugansk State Academy of Culture and Arts named after Mikhail Matusovsky,
Doctor of Philological Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Theory and History of Art, Lugansk, Russia
e-mail: diako122@rambler.ru**Individual Authorial Transformations of Phraseological Units
in the Works of Vladislav Titov**

Abstract. The article analyses individual authorial transformations of common phraseological units in the works of the Russian Soviet writer Vladislav Titov. The article considers modern general studies devoted to the study of the methods of individual authorial use of linguistic phraseological combinations. The methods of structural transformation of phraseological units in the writer's fiction texts are analysed. These are the replacement of a component, expansion of the component composition, replacement of one of the components and expansion of the expression, contamination. Phraseological units are studied using phraseographic, cultural, and etymological sources. The stylistic functions of transformed phraseological units in fiction are considered. The material for the study is the works of different years: the novel "Miners", the stories "It's Warmer for the Roots in Their Native Land", "In Spite of All Deaths" and the unfinished story "Rye".

Keywords: phraseological unit, individual authorial transformation, usual use, structural transformation, component, expressiveness, artistic expressiveness.

Введение (Introduction)

Одним из актуальных направлений развития современной лингвистической поэтики является исследование преобразования фразеологических единиц (далее также — ФЕ) в художественных произведениях. Изучению фразеологии писателей посвящены работы В. Елистратова, Н. Захаровой (В. Шукшин), Н. Кудриной (А. Ахматова), О. Ломакиной

(Л. Толстой), Л. Наградовой (А. Островский), А. Овсянниковой (А. Вампилов) и др. Анализируются окказиональные фразеологизмы В. Крестовского (Г. Сафьянникова), Игоря Северянина (В. Никульцева), В. Токаревой (Н. Божко), Л. Толстого (Ю. Архангельская) и других писателей.

Среди русских писателей советского периода Владислав Андреевич Титов занимает особое место. И такое

© Дьякова Т. А., 2025

Для цитирования: Дьякова Т. А. Индивидуально-авторские преобразования фразеологических единиц в творчестве Владислава Титова // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2025. № 3 (48). С. 77–83.
DOI: 10.36809/2309-9380-2025-48-77-83

отношение к личности автора и его литературному творчеству целиком оправдано. Накрывший собой силовой кабель в подземной выработке молодой шахтер Титов ценой своего здоровья спас от взрыва не только шахту, но и всех, кто был в это время под землей (а шансов остаться в живых после воздействия напряжения в 6000 вольт у него не было, что не остановило 25-летнего горняка). Писателем Владислав Андреевич стал через нечеловеческие физические и моральные усилия — писать человеку без обеих рук было не просто сложно (зажимая карандаш зубами), а мучительно. Полностью автобиографическая первая его повесть «Всем смертям назло» — самое известное произведение, но Титов — автор еще нескольких повестей и рассказов, романа. Литературные произведения, созданные как художественное описание реальных событий, мест, являются уникальным фактом национальной культуры, феноменом индивидуального творчества, источником познавательной информации, воспитательным средством с неисчерпаемым потенциалом.

Для произведений Титова присущи не только старательно выписанные образы персонажей (шахтеры, горожане, жители села, персонифицированные растения), но и богатый лексический материал (стилистически маркированная лексика, диалектизмы, профессионализмы), а также разнообразные авторские художественно-выразительные средства (эпитеты, метафоры, сравнения).

Одной из характерных черт произведений Владислава Титова стало мастерское использование фразеологического фонда языка. Среди использованных фразеологических единиц преобладают выражения разговорной стилистической окраски: *встать на ноги, комар носа не подточит, куда ни кинь, ума не приложу* и др.; отмечены просторечные фраземы: *столкнуться нос к носу, ноги подкосились* и др. В. Титов использовал и отдельные фразеологизмы, пришедшие в активное употребление из различных профессиональных сфер (*взять под козырек, по всей строгости воинского устава, на рожон лезть*), и устаревшие идиомы (*держат сторону, там и сям*).

Особый интерес вызывают устойчивые сочетания, которые подверглись авторской трансформации: писатель, изменяя существующие в общем употреблении единицы, демонстрирует не только знание узальной фразеологии, но и способность привнести в текст произведений ту самую «изюминку», которая отличает его повести и романы от сочинений других авторов.

Методы (Methods)

В процессе исследования художественных текстов и изучения индивидуально-авторских преобразований фразеологических единиц использовались методы контекстологического, системного подхода, анализа и синтеза, обобщения, описания; приемы этимологического, семантического, грамматического анализа.

Анализируя трансформированные в произведениях писателя узальные фразеологизмы, имеем в виду «лексически неделимые устойчивые словосочетания, обладающие семантическим и интонационным единством» [1, с. 516], которые претерпели в авторском тексте различные изменения.

Говоря о таких фразеологизмах, параллельно с термином «фразеологическая единица» в работе используем понятия «фразеологизм», «фразаема», «фразеологический оборот», «фразеологическое выражение», «выражение», «устойчивое сочетание», «устойчивый оборот», понимая их как семантические синонимы.

Цель работы — проанализировать индивидуально-авторские преобразования фразеологизмов в произведениях Владислава Титова. Объектом изучения стали способы трансформации узальных фразеологических единиц, предметом — особенности и цели их использования. Материалом исследования послужили тексты нескольких повестей писателя: «Грезы старого парка», «Всем смертям назло» [Всем смертям], «Проходчики» [Проходчики], «Рожь» [Рожь], «В родной земле корням теплее» [В родной].

Литературный обзор (Literature Review)

В последнее время возрос интерес лингвистов к исследованию способов индивидуально-авторского использования языковых фразеологических единиц. Так, структурно-семантическим трансформациям фразеологизмов в художественных текстах Т. Толстой посвящена работа Н. Лукиной и М. Лаптевой. Авторы отмечают, что, «когда существующие уже во фразеологическом составе языка единицы не могут полностью удовлетворить требованиям текста, они подвергаются трансформации, вследствие чего актуализируется их смысл» [2, с. 42], и детально анализируют продуктивные приемы авторских преобразований: со стороны семантики — буквализация, народноэтимологическое переосмысление, со стороны структуры — изменение структурного состава, морфологические трансформации.

Изучая стилеобразующую функцию фразеологизмов в повести Г. Климовской «Онка», Е. Бакланова выделяет две группы ФЕ: узальные и индивидуально-авторские. Исследователь установила, что доминантой регулятивности на прагматическом уровне текста являются разговорные ФЕ (прагмемы), чаще всего содержащие экспрессивную составляющую. Индивидуально-авторские фразеологические единицы сочетают в себе функции прагмем и информем, поскольку выражают экспрессию и содержат когнитивную информацию. Доминантой регулятивности на информативно-смысловом уровне текста являются фразеологизмы расширенного компонентного состава со значительной трансформацией смысла, а также выражения, в которых лексическая замена приводит к полной смысловой трансформации [3].

Диссертационное исследование Н. Комковой посвящено изучению лексико-фразеологического пространства художественной прозы Б. Шергина. Установлен состав, способы образования и функции окказиональной лексики и фразеологии как инструмента сотворения народной речи в языке художественной литературы, определены факторы и условия использования стилистически дифференцированной лексики и фразеологии для создания эффекта живой речи в литературном тексте [4].

В статье Е. Шумских «Индивидуально-авторская фразеология в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо»» показана специфика формирования окказиональной семантики

фразеологизма в тексте, особенности словообразовательной и морфологической модификации узусных оборотов, синтагматические особенности индивидуально-авторских идиом. Проанализирована роль окказионального фразеологизирования в семантическом пространстве романа (метод семантического и контекстуального анализа ФЕ), дается комплексная структурно-семантическая и экспрессивно-стилистическая характеристика преобразованных фразеологических единиц [5].

Трансформация фразеологизмов как проявление языковой игры в публицистике В. Набокова исследуется в работе Н. Князева и Н. Курковой. Авторы отмечают, что «использование узнаваемых, легко воспроизводимых фразеологизмов создает культурную пресуппозицию, которая в контексте языковой игры получает дополнительные коннотации, обусловленные направленной игровой трансформацией узусной формы и значения фразеологического оборота, что способствует парафрастическому выражению авторского отношения к освещаемой в публикации теме» [6, с. 228–229].

В диссертации Т. Филей анализируется специфика функций фразеологии в русской драматургии 1850–1860-х гг. на материале пьес А. Н. Островского, А. Ф. Писемского и А. В. Сухово-Кобылина. Диссертантка отмечает, что использование фразеологических единиц подчеркивает характерность и верность языка как отдельных персонажей, так и целых сословий (в данном случае — купечества, крестьянства, чиновничества), максимально передающего живую разговорную речь XIX в. Помимо этого, фразеология дает наиболее яркое и точное представление о социально-психологической характеристике персонажа, способствует глубокому постижению его характера, внутреннего мира, установок и убеждений, а использованные фразеологические единицы создают специальную экспрессивную тональность, помогают отразить многообразие чувств, испытываемых героями в определенной ситуации, их эмоциональное состояние [7, с. 173].

Таким образом, обращение к индивидуально-авторским преобразованиям фразеологических единиц в произведениях Владислава Титова представляется нам актуальным направлением изучения художественных особенностей творчества писателя.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Из перечисленных выше произведений В. Титова выбрано более 50 ФЕ, которые претерпели различные трансформации. Учитывая регламент статьи, проанализируем индивидуально-авторские преобразования на наиболее выразительных примерах. Полагаем целесообразным выделить несколько способов изменения узусных фразеологизмов.

1. Структурная трансформация. Этот прием используется в следующих направлениях.

1.1. Замена компонента. Так, фразеологическую единицу *черная (серая) кошка пробежала (пробегала)*, разг. экспресс. ‘произошла неожиданная ссора, размолвка между кем-либо; кто-либо с кем-либо поссорился’ [8, с. 319] писатель преобразует в *пробежала неопределенного цвета кошка*: По штреку проходчики шли молча. Гайворон-

ский с Тропининым догадывались, что между бригадиром и Дутовым *пробежала неопределенного цвета кошка*, и теперь каждый про себя гадал, к чему это приведет [Проходчики, с. 161]. Символика компонента *кошка* рассматриваемого фразеологизма связана с зооморфным кодом культуры, в котором *кошка* — домашнее животное, наделяемое в народных представлениях двойственными признаками и различными демоническими функциями [9, с. 637]. В образ вкраплена пространственная метафора разъединения людей, их превращения из «своих» в «чужих», из друзей в недругов [10]. Кроме этого, писатель изменяет порядок слов узусного фразеологизма — на наш взгляд, такая перестановка (глагол предшествует именной части ФЕ) придает выражению больший прагматизм, определенного рода четкость, воплощает решительность, присущую не только действиям, но и размышлениям шахтеров.

В узусном фразеологизме *задавать перца с гвоздикой кому*, прост. ирон. ‘отчитывать; жестоко бранить, распекать кого-либо’ [8, с. 237] автор производит замену «кулинарных» компонентов: «Уж кому-кому, а этому отец *задаст кренделей с хреном соленым!*» — сам себе ухмыльнулся Петруха Соломатин [Рожь, с. 311], создавая оксюморон: *крендель* ‘витая (обычно сладкая) булка в форме буквы В или цифры 8’, *хрен* ‘горький корень растения, а также пряная приправа к пище из этого корня’ [11]. Это уже придает экспрессивность мыслям персонажа, а если учесть вульгарно-просторечное толкование лексики *хрен* [12, с. 357], то фразеологизм приобретает совершенно иную стилистическую окраску и смысловую нагрузку, создает весьма экспрессивную речевую характеристику персонажа.

В общеупотребительном фразеологизме *кровь из носу*, прост. ‘несмотря ни на какие трудности’ [11] В. Титов производит замену в именной части (*из носу* → *из ноздрей*): *А на хлеб — железно-непоколебимый план заготовок. Кровь из ноздрей, а выполни* [Рожь, с. 279], что уточняет ‘смысл фразеологической единицы, привязывает к контексту без добавления каких-либо коннотаций’ [3, с. 3900], при этом семантика и стилистическая маркированность фразеологической единицы остается неизменной.

В повести «Всем смертям назло» писатель создает речевую характеристику персонажа, используя фразеологическое выражение *волк стреляный*: Ты не обижайся, Сережа, на старика, — продолжал Егорыч. — Я *волк стреляный*; слава богу, повидал на своем веку... и жизней и смертей всяких [Всем смертям, с. 251]. Полагаем, что замене компонента подвергся один из узусных фразеологизмов с общим значением ‘бывалый, опытный, умеющий переносить невзгоды человек’: экспресс. *морской волк*, разг. экспресс. *старый волк*, разг. экспресс. *травленный волк* [8, с. 83]. Фразеологическая единица *стреляный воробей*, разг. ирон. ‘много перенесший, бывалый и трусоватый человек’ [8, с. 91], схожая по структуре, не соответствует семантике использованного в тексте фразеологизма и его стилистической функции. Полагаем возможным допустить, что в основе индивидуально-авторского преобразования могла быть и ФЕ *обстрелянный волк*, устар. экспресс. ‘человек бывалый, выдававший виды’ [8, с. 83], в этом случае нужно говорить о грамматических изменениях: причастие

совершенного вида *обстрелянный* → отглагольное прилагательное *стреляный*.

Замена компонентов произведена еще в нескольких выражениях.

Хватать за грудки кого, прост. экспрес. 'схватывая кого-либо за грудь, трясти; теснить кого-либо, толкая в грудь' [8, с. 719]: «Не моя епархия, этим я не занимаюсь!» — передразнил Григорий. — А теперь прикатил разносы устраивать? **За грудки трясти?** А ты делом помоги. Вот поезжай к себе в район, отыщи этого святого епарха и вытребуй у него масла для жаток [Рожь, с. 326–327].

Эта же фразеологическая единица подвергается буквализации: А ну, поднимай его! — бригадир **тряхнул** Устину **за грудки**. — Колхозным хлебушком хотели пожить [В родной, с. 531]. При этом утрачивается присущая фразеологизму образность, выражение выступает в качестве экспрессивной характеристики поведения персонажа.

Душа нараспашку кто-л., у кого-л.; кто-л. **с душой нараспашку** 'с расстегнутым воротом одежды, в расстегнутом пальто, пиджаке' [13, т. 1, с. 366]: Он вздохнул, расстегнул на куртке последние пуговицы и враз стал похож на самого себя, на прежнего Ивана, суетливого, **грудь нараспашку**, каким его привыкли видеть в шахте [Проходчики, с. 68]. Полагаем, что замена компонента способствует своего рода «заземлению» сочетания: существительное *душа* со значением абстрактности → существительное *грудь* со значением конкретности.

Путем замены компонентов писатель трансформирует и фразеологизм **маковой росинки во рту не было**, разг. экспрес. 'кто-либо совсем ничего не ел, не пил' [8, с. 55]: А от колхоза **не приходится ждать и макового зернышка** — закрома, как пить дать, останутся пустыми, заставят одать в район и семенной фонд, и фураж [Рожь, с. 418]. Считаем, что узуальный фразеологизм произошел от пословицы *ни мачинки, ни росинки во рту не было*, где *мачинка* — 'одно маковое зернышко' [14, с. 409], выражение сократилось до *маковой росинки во рту не было*, где *маковая росинка* 'нечто весьма малое' [15, с. 409]. В художественном тексте фразеологизм использован для придания выразительности характеристике социально-экономической ситуации.

1.2. Замена компонента и расширение состава ФЕ. Узуальная фразеологическая единица **в три погибели**, разг. экспрес. 'очень низко (согнуться)' [8, с. 479] преобразована в художественном тексте следующим образом: Начальнику уголь нужен, а мы хоть **в три дуги загнись** в своем штреке! — Борис опять вспылел [Проходчики, с. 8]. В основе общеязыкового фразеологизма лежит лексическая единица **погибель**, устар., обл. 'беда, несчастье' [16, с. 331], а толкование ФЕ связывается с другим значением — *погибель* 'тибель'. Замена произведена на лексему *дуга* 'что-либо, имеющее форму кривой, изогнутой линии' [11], что более «прозрачно». Состав выражения расширен глаголом в форме единственного числа повелительного наклонения *загнись*. Таким образом, замена одного компонента и расширение состава фразеологизма служат для придания речи персонажа просторечного звучания и высокой экспрессивности.

Компонентный состав общеупотребительного фразеологизма **списывать в тираж** кого, разг. экспрес. 'отстра-

нять, считая непригодным для какой-либо деятельности' [8, с. 646] автор расширяет и заменяет один из компонентов: *Поступок был не понятен. И не понятен потому, что еще тогда, в шахтерской больнице, когда Сергей попал к нему, он списал его жизнь со счетов* [Всем смертям, с. 412], для понимания «такого трансформированного высказывания читателю не нужно прикладывать интеллектуальные усилия» [16, с. 400], фразеологизм приобретает дополнительную экспрессивность.

Такому способу авторского преобразования подверглись еще несколько выражений, наиболее выразительными, на наш взгляд, являются:

— **под зад коленом (коленкой)** кому, грубо-прост. экспрес. 'выпроваживать, выгонять кого' [8, с. 237] — *Пошел устраиваться на работу, под то место коленом полужил. А пенсия-то с гулькина нос* [Всем смертям, с. 366];

— **пятое колесо в возу (колеснице)**, разг., ирон. 'лишний, ненужный в каком-либо деле человек' [8, с. 303] — *И без тебя хлопот полон рот, забот по самые ноздри. А он — как пятое колесо в телеге, да и в то не совал бы хоть палок по дури несусветной* [Рожь, с. 375].

1.3. Расширение компонентного состава фразеологизма. Этот прием трансформации В. Титов использует наиболее часто (всего отобрано 15 ФЕ).

Так, выражение **как сивый мерин врет**, прост. презр. 'бессовестно, беззастенчиво' [8, с. 366] расширено числительным *два*, соответственно изменена грамматическая форма компонентов фразеологической единицы (*сивый мерин* → *сивых мерина*): — *Забрала было Дарья Степановна к себе домой, а Настасья убежала в общежитие. Допытывается: где Витя? А мы что? Мы с Борькой врем как два сивых мерина. В командировке...* [Проходчики, с. 200]. Рассматривая несколько версий происхождения этой фраземы, ученые отмечают, что глагол *врать* имел в прошлом несколько иное значение — 'говорить вздор', 'пустословить', 'болтать', а *сивый мерин* — в переносном значении 'мужчина, который уже заговаривается от старости и несет всякий вздор'. Прозрачный вначале исходный образ этого сравнения «несколько затемнился из-за семантического смещения глагола *врать*, однако его яркость и экспрессивность лишь усилились» [17, с. 372], в художественном тексте фразеологизм служит для придания выразительности речевой характеристике персонажа.

Устойчивое сочетание **на полную катушку**, прост. экспрес. 'по-настоящему, в полную силу (жить, веселиться, праздновать и т. п.)' [8, с. 290], по мнению исследователей, вошло в современную речь из языка связистов во время Великой Отечественной войны, а затем расширило свое значение [18, с. 123]. В. Титов, распространяя компонентный состав фразеологизма, многократно использует в значениях:

— 'в полную силу кто-то будет наказан': *Трофим только мельком подумал о том, что за такую проделку, если они попадутся, в первую очередь и на всю катушку влетит именно ему, как конюху, но как они могут попасться, анализировать не стал...* [Рожь, с. 416]; *Игнатов ерзнул на стуле, погладил вспотевшую лысину. «Пожалуй, на всю катушку врубят. Пощады не будет»* [Проходчики, с. 44];

Арки с перебоями поступают. Уже навалились на начальника ВТБ [участок вентиляции и техники безопасности, контролирующей безопасность работ в подземной выработке — Т. Д.]. Михеичеву на **всю катушку врубили** [Проходчики, с. 109];

— ‘в полную силу пожаловаться, «настучать»’: — Ну и влип ты, Андрюха, как кур во щи, — шепнул Спиридонов. — Сейчас **натукает** секретарю на **всю катушку** [Рожь, с. 383];

— ‘в полную силу выполнять какую-л. работу’: Сергей обрадовался, когда сообщили, что «штаб **ворочает дела-ми на всю катушку**» [Всем смертям, с. 249].

Расширение компонентного состава автор применяет и к другим фразеологизмам:

— **как (будто) снег на голову**, разг. экспрес. ‘внезапно, совершенно неожиданно’ [8, с. 636]: Действительно, еще вчера о новой угледобывающей технике никто не думал не гадал. Дай бог, с бремсбергом-то благополучно раскрутиться, а тут, **как среди лета снег на голову**... [Проходчики, с. 86]. Возможно, происхождение сочетания связано с повседневной жизнью в давнее время, когда наступление зимы предсказывали по приметам, разумеется, случались ошибки. И ранний снег приносил неприятности, отсюда и негативная коннотация выражения. Добавление компонента *среди лета* делает семантику фразеологизма еще более прозрачной: снег на голову летом — это действительно неожиданное;

— **в три шеи**, грубо-прост. ‘грубо, бесцеремонно с бранью, с побоями (гнать, прогонять, выталкивать и т. п. кого-либо)’ [8, с. 757]: Посмотрел бы я на этого хозяина, когда его **турнут в три шеи** за что-нибудь, — Борис похлопал Витьку ладонью по плечу [Проходчики, с. 9]. Просторечная ФЕ, расширенная глаголом такой же стилистической окраски *турнуть* ‘прогнать откуда-л. или куда-л.’ [11], придает речевой характеристике персонажа повести максимальную экспрессивность;

— **руки доходят (дошли)** до чего, разг. ‘есть, появилась возможность, время заняться чем-либо, сделать что-либо’ [8, с. 584]: У бригад пошел большой уголь, и о штреке на время забыли. **Руки**, как говорится, **не стали доходить** [Проходчики, с. 45] — фразеологизм, полагаем, с одной стороны, соотносится с временами давними, когда длинные рукава мешали что-либо делать (а чем знатнее был человек, тем длиннее были рукава — ему и не полагалось что-либо делать), а с другой — связан со значением глагола *дойти* ‘наступить, прийти очереди чего-л., коснуться кого-, чего-л.’ [11], исходя из контекста, значение ФЕ можем определить как ‘не наступила очередь работы на определенном участке’. Узуальный фразеологизм расширен неполнозначным глаголом со связочным значением *стать*, устойчивое сочетание употребляется с отрицанием *не* для придания эмоционально-экспрессивного характера повествованию;

— **на седьмом небе**, разг. экспрес. ‘безгранично счастлив; глубоко удовлетворен’ [8, с. 401]: Зинушка **взвилась на седьмое небо**, уши горели, как у именинницы, которую за щедрый подарок щедро и оттаскали [В родной, с. 544]. Этимология фразеологизма *на седьмом небе*, по мнению фразеологов, связана с представлениями о небе, что отра-

жено в античных учениях, религиозных текстах различных конфессий [17, с. 399–400], а пребывание на седьмом небе расценивается как высшее блаженство. Приращение глагола *взвиться* ‘стремительно подняться, взлететь’ [11] значительно увеличивает экспрессивность ФЕ, позволяет писателю передать психологическое состояние персонажа предельно выразительно.

1.4. Контаминация. Этот способ трансформации автор применяет, создавая такие фразеологические единицы:

— *Потому что сколько не гни спину от зари до зари, лей пот рекой — всё будет бесполезным, голодовки не миновать* [Рожь, с. 326] — объединены ФЕ **гну́ть спину**, разг. экспрес. ‘много, до изнеможения работать’ [8, с. 140] и **от зари до зари**, разг. экспрес. ‘с утра до вечера, весь день’ [8, с. 249], путем индивидуально-авторского преобразования создан фразеологизм со значением ‘долго, весь день много, тяжело работать’, при этом употребляется единица с отрицанием, выраженным частицей *не*;

— *Сила есть, ума не надо! А тут и то, и другое потребно. Придавил что есть мочи, дак и защемило* [Проходчики, с. 21] — связаны фразеологизмы **изо всей мочи**, прост. экспрес. ‘с предельным напряжением, интенсивностью (делать что-либо)’ [8, с. 380] и **что есть духу**, прост. экспрес. ‘очень быстро, изо всех сил (бежать, ехать)’ [8, с. 214], приобретшие значение ‘изо всех сил, с предельным напряжением (делать что-либо)’.

2. Структурно-семантическая трансформация. Примером служит изменение общеупотребительного фразеологизма **(готов) снять с себя (отдать с себя) последнюю рубашку** ‘об отзывчивом человеке, готовом поделиться с кем-л. тем единственным, значительным, что только у него и осталось’ [13, т. 2, с. 270]. В повести «Всем смертям назло» писатель так преобразует фразеологизм: *И в тот день, принимая из рук Кузнецова расписку Егорыча, Валерий почему-то вспомнил слова Бадьяна, сказанные полгода назад: «Уж ты-то своей рубахи никому не отдашь!»* [Всем смертям, с. 412] — прилагательное *последняя* → притяжательное местоимение *своя*; добавлено отрицательное местоимение *никому* и отрицательная частица *не*. Изменяется и семантика выражения: положительная характеристика преобразовывается в отрицательную, что и использовано для оценки моральных качеств персонажа.

Многократно использует автор фразеологизм **хрен бубнов**, трансформируя узуальные выражения **хрен собачий**, прост., бран. ‘о подлом непорядочном человеке’, **моржовый хрен**, жарг., мол. бран. ‘о человеке, вызывающем гнев, негодование, возмущение’ [19, с. 720]. В основе просторечной грубой экспрессивности эвфемизм *хрен*, заменяющий обценную лексику со значением ‘мужской половой орган’ [20, с. 374], усиливает выразительность и адъектив *бубнов*, истоки которого, по нашему мнению, находятся в сочетании **бубнов** **туз**, перен. ‘красный или желтый четырехугольный лоскут, нашивавшийся прежде осужденным на каторгу на спине’ [21]. Считаем, что лексема *бубнов* в составе фразеологизма употреблена в значении ‘негодный, дрянной’ и окрашивает негативной коннотацией с оттенком пренебрежения, осуждения используемое автором сочетание.

Исходя из контекста, полагаем, что фразеологизм употребляется в значении 'ерунда, что-то нестоящее': *У тебя голова на плечах или кочан капусты? «Динамический рывок»... — передразнил главный. — Хрен бубновы́й, а не рывок* [Проходчики, с. 52].

В двух других примерах фразеологизм использован с отрицанием:

— *По всем завалам снизу вверх пробить временную крепь и тогда можно перетянуть канат без риска для жизни. Да у тебя башка на плечах, а не хрен бубновы́й* [Проходчики, с. 60];
— *Собирай бюро, молотки и компрессор будут! — решительным голосом сказал главный. — Я обещаю. Двадцать вагонов — не хрен бубновы́й!* [Проходчики, с. 63–64]. Фразеологизм используется для придания экспрессивности речевым характеристикам персонажей, которых автор помещает в ситуации максимального психологического напряжения (все эпизоды связаны с аварией на шахте).

Источники

В родной — Титов В. А. В родной земле корням теплее // Титов В. А. Грезы старого парка : повести. Киев : Рад. письменник, 1988. С. 453–551.

Всем смертям — Титов В. Всем смертям назло // Титов В. Проходчики. Всем смертям назло. М. : Совет. писатель, 1983. С. 209–503.

Проходчики — Титов В. Проходчики // Титов В. Проходчики. Всем смертям назло. М. : Совет. писатель, 1983. С. 3–208.

Рожь — Титов В. А. Рожь // Титов В. А. Грезы старого парка : повести. Киев : Рад. письменник, 1988. С. 275–452.

Заключение (Conclusion)

Таким образом, индивидуально-авторские преобразования узуальных фразеологических единиц свидетельствуют о высоком писательском профессионализме писателя. В. Титов прибегает к различным способам трансформации общеупотребительных выражений, среди них преобладают структурные изменения, реализованные заменой компонентов, расширением состава языковых ФЕ, одновременное использование этих приемов. Преобразованные фразеологизмы использованы преимущественно для создания речевых характеристик персонажей, относящихся к различным социальным средам, находящимся в различных производственных и бытовых условиях. Дальнейшее исследование фразеологического фонда произведений Владислава Титова позволит систематизировать узуальные, трансформированные и окказиональные выражения и создать словарь фразеологии произведений писателя.

1. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д. : Феникс, 2010. 562 с.
2. Лукина Н. В., Лаптева М. Л. Структурно-семантические трансформации фразеологизмов в художественных текстах Т. Толстой // Гуманитарные исследования. 2019. № 1. С. 41–48.
3. Бакланова Е. А. Стилеобразующая функция фразеологизмов в повести Г. И. Климовской «Онка» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, вып. 11. С. 3894–3902.
4. Комкова Н. И. Лексико-фразеологическое пространство художественной прозы Б. В. Шергина : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2022. 20 с.
5. Шумских Е. А. Индивидуально-авторская фразеология в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 5. С. 56–66. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-56-66
6. Князева Н. В., Куркова Н. В. Трансформация фразеологизмов как проявление языковой игры в публицистике В. В. Набокова // Litera. 2021. № 5. С. 222–231. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.5.35694
7. Филей Т. В. Специфика функций фразеологии в русской драматургии 1850–1860-х годов (на материале пьес А. Н. Островского, А. Ф. Писемского и А. В. Сухово-Кобылина) : дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2022. 210 с.
8. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13 000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М. : Астрель : АСТ, 2008. 878 с.
9. Гура А. В. Кошка // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М. : Междунар. отношения, 1999. Т. II. С. 637–640.
10. Ковшова М. Л. Кошка пробежала. Кошка пробежала // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. 4-е изд. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. Электрон. версия. URL: <https://clck.ru/3Py2DD> (дата обращения: 15.07.2025).
11. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. Электрон. версия. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 15.07.2025).
12. Мокиенко В. М. Словарь русской брани (матизмы, обсценизмы, эвфемизмы). СПб. : Норинт, 2004. 448 с.
13. Фразеологический словарь современного русского литературного языка : в 2 т. / сост.: А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова ; под ред. А. Н. Тихонова. М. : Флинта : Наука, 2004. Т. 1. 832 с. ; Т. 2. 832 с.
14. Большой академический словарь русского языка : в 30 т. / под ред. К. С. Горбачевича, А. С. Гердта [и др.]. СПб. : Наука, 2011. Т. 17. 671 с.
15. Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии : сборник образных слов и иносказаний. СПб. : Тип. «Брокгауз — Ефрон», 1912. 1046 с.
16. Дегальцева А. В., Кормилицына М. А. Приемы трансформации фразеологизмов в современной прессе // Медиалингвистика. 2023. Т. 10, № 3. С. 394–406. DOI: 10.21638/spbu22.2023.307

17. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. 704 с.
18. Мокиенко В. М. Правильно ли мы говорим по-русски? Поговорки: что мы о них знаем, откуда они пришли, как их правильно понимать и употреблять. М. : Центр-полиграф, 2016. 317 с.
19. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. 784 с.
20. Флегон А. За пределами русских словарей. Лондон : РИКЕ, 1993. 413 с.
21. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.» : ОГИЗ : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. Электрон. версия. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 15.07.2025).